

ЭНТУЗИАЗМ И ИНСТИТУЦИАЛИЗМ КАК ЛИНИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

А. Г. Климов

В теологическом, равно как и научном, употреблении термин «энтузиазм» появляется в XVII–XVIII вв. для характеристики тех верующих христиан, которые считали первым условием религиозного опыта готовность восприятия Божественного, в то время как убеждения, основанные на рационалистических выводах, формальное соблюдение обрядов и даже добрые дела, составляющие сущность церковной жизни, на фоне готовности принятия приобретают второстепенное значение. Казалось бы, наблюдается возвращение к содержанию учения о благодати Блаженного Августина, которое, будучи развито в систематизированных от Аристотеля¹ положениях Фомы Аквинского, удостоенного римской церковью звания «князя философии», выполняло формообразующие роли в становлении и развитии европейской культуры. Причём в первую очередь культуры организационной, поскольку на идеях Августина о противопоставлении града Божьего граду земному выросло и правовое поле взаимоотношения Церкви и светской власти в феодальной Европе, формировался статус власти религиозных институтов и власти гражданской, светской, определявшей в период модернизации секуляризацию Церкви в Европе и пути образования светских управленческих институтов.

Энтузиазм, в этом узком смысле фиксирующий социокультурную позицию человека в отношении к религии (как к институту, так и к вероучению), был второй стороной процесса канонизации культового поведения членов религиозной общины и перевода в нормативный план положений христианского вероучения. Выявленные каппадокийскими мужами и развитые в византийском богословии базисные принципы христианского вероучения: тринитарность, истинная (и сокровенная, и явленная) природа Христа, особенности проявления Святого Духа — через установления Вселенских соборов включались в жизнь Церкви, выступая в качестве ведущих и направляющих принципов обихода жизни христианина и теоретически выстроенных путей развёртывания и распространения христианской организации. Но параллельно этим процессам в рамках христианского вероисповедания постоянно возникали отклонения, базирующиеся на представлениях о трансцендентальности божественного и скаженном понимании действия Святого Духа, основанном на отрицании Его обнаружения в мирской повседневности, а потому требующем особых форм душевной активности для приближения к Нему.

Рассмотрим основы энтузиазма и его историческую феноменологию, проявления в истории христианской религии и религиозной организации — Церкви — на примере двух узловых периодов истории христианства: установления догматических оснований вероучения и вероисповедания в эпоху Вселенских соборов и критическое переосмысление основ римского католицизма в европейском протестантизме, знаменовавшем собой зарождение и наступление Нового Времени. Если первый

период представлял собой поворотный этап всемирной истории христианства, то второй — в истории Европы.

Первый натиск энтузиазма каноническая линия становления вероучения испытала чуть ли не сразу после рождения христианской цивилизации в связи с утверждением и распространением влияния христианской Церкви. Одно из первых еретических уклонений, развернувшееся в ересь монтанизма, появилось ещё в период апостольской проповеди. Монтан², не захотев войти в рамки устанавливающихся церковных правил, ратовал за живое духовное общение с Божеством, свободное от иерархии и обрядов и проявляющееся в индивидуальных харизмах — особых дарах Св. Духа: в способности к пророчеству и глоссолалии (психологический феномен, подобный речевому автоматизму, на котором строились многие языческие мистерияльные культы). «Монтанисты верили, что, как и во времена апостольские, Дух, который является единственным решающим элементом ... свободно пребывает где ему угодно»³.

Серьёзное влияние на утверждение темы энтузиазма в теологическом дискурсе оказало и пелагианство, в котором, соответственно соборному становлению, но вне его содержания, рассматривались темы благодати, свободы воли форм проявления в жизни людей Святого Духа. Ересиарх Пелагий (354–420) выступил с учением о свободе воли, которое было оспорено Блаженным Августином (354–430) в известном его трактате о благодати⁴ как форме установления организационных взаимодействий в Церкви⁵. Пелагий полагал, что свобода воли принадлежит самой природе человека, а роль благодати при этом сводится лишь к Божественной помощи ему в добрых делах. Это утверждение умаляет не только действие благодати, но и расширенно истолковывает возможности воли как человеческого свойства, проявляющегося вне Божественного участия. В развитии научной психологии неосознаваемое (невольное) принятие пелагианства привело к исключению воли из разряда научных категорий психологии. Уже Августин, дискутируя вопрос о благодати, выводит её из любви Бога к человеку, снимая навязываемые ей ограничения и выявляя ту форму отношения Бога и человека, которая придавала наполненное надеждой и принятием отношение к человеку в христианском вероисповедании и раскрывала сущностное содержание Нового Завета.

В завершение этого периода складывается и духовное движение павликан, выступавших уже оппозицией византийской власти. Павликане ратовали за восстановление «апостольской простоты» как в богослужениях, так и в мирской жизни христианской общины, что привело даже к организации карательной экспедиции императором Константином Погонатом в 684 г.⁶

Еретический характер энтузиазма этого периода определялся в первую очередь отношением его представителей к основаниям христианского вероучения, которое характеризовалось помещением Богопознания в планы изменённых форм сознания, затенением истины христианства экстатическими переживаниями и инаковостью феноменов трансцендентности. Линия церковного строительства того времени не могла не реагировать на проявления энтузиазма, выражавшиеся в распространении самостийных толкований предания и произвольных заимствований Святого Писания. Уже Ириней Лионский (130–202) выступал с развёрнутой критикой еретических

уклонений, развивая еkkлесиологию и христианскую догматику на критическом рассмотрении положений гностицизма⁷. Василий Великий (330–379) в книге «О Духе Святом», выстраивая классификацию ересей по отношению к истине христианского вероучения, различает уклонения в веру и искажения её⁸.

Энтузиастские движения периода установления догматических оснований вероучения и вероисповедания в эпоху Вселенских соборов, как это ни парадоксально, участвовали в формировании христианского догмата не только как фактор определения его поля, но и как объект опровержения, мобилирующий поиски и консолидацию церковного строительства.

Период критического переосмысления основ римского католицизма в европейском протестантизме начинался не выступлениями Лютера и духовной публицистикой Эразма Роттердамского, а монастырской проповедью смирения Бернара Клервоского (1091–1153) и нищенствующим подвижничеством Франциска Ассизского (1182–1226). Создавая и формируя католическую Европу, они определили пути западного христианского монашества, влияя этим и на процесс институционализации римской церкви. Например, св. Бернар был автором устава тамплиеров, в котором определялись правила для духовно-рыцарских орденов.

Задолго до появления протестантизма жизнь католического мира состояла из учреждения религиозных общин и духовных братств. В начале XIII в. в Германии появляется движение братьев свободного духа, распространившееся в Нидерландах, Франции, Италии. В XIV в. в Нидерландах Герхард Грот организует общину братьев общей жизни, в «братские дома» которой входят и клирики, и миряне, под влиянием которой находились и Фома Кемпийский, и Николай Кузанский.

В истории христианства периода реформации наиболее заметны энтузиастские движения Ульриха Цвингли (1484–1531) и пиетизм Филиппа Шпенгера (1635–1705).

Цвингли, сподвижник Лютера и Кальвина, положивший начало евангелизму, отличался некоторой эксцентричностью. Известна его проповедь 1522 г. «О свободе выбора пищи», направленная против устанавливаемых католической церковью предписаний поста. Заняв должность капеллана в Эйзенвельде, он объявляет монахинь свободными от обета безбрачия⁹.

Пиетисты основывались на утверждении значимости религиозных переживаний верующих, на ощущении живого общения с Богом и переживании постоянного нахождения под строгим и бдительным «Божьим оком». Началом движения были устраиваемые собрания в домах (*collegia pietatis*) людей, проводивших публичные выступления. Сам термин использовался с 1689 г. молодыми магистрами Лейпцига, считавшими себя последователями Шпенгера.

Собственно, именно в реформистской церковной среде и появляется в этот период термин энтузиазм, основанный на убеждённости в том, что спасение возможно исключительно по божьей благодати, а потому главное призвание истинного христианина есть готовность к восприятию Бога, открытость к благодати. Это движение осуждалось и в католичестве: епископ Хикс в 1680 г. в проповеди «Изгнание духа энтузиазма» положил начало массовому использованию этого термина, а в 1823 г. Исаак Тейлор издаёт монументальную работу «Естественная история энтузиазма», определившую разработку этой темы в религиоведении.

Институционализм же представляет собой нормативный порядок организации, рассматриваемый в полноте факторов, его определяющих. В истории христианства эта линия становления была представлена, с одной стороны, формированием культовых особенностей службы, зафиксированных в литургике, а с другой — становлением христианского вероучения.

Первая составляющая этого направления представлена такими авторами, как Василий Великий, Иоанн Златоуст и папа римский Григорий Великий (Двоеслов). Вторая — не только отцами и учителями Церкви, участвовавшими в соборных решениях об установлении иерархий и соответствующих им ритуальных признаков, но и святителями и духовными писателями, рассматривавшими эту тематику. Для Западной европейской культуры особое значение имела средневековая схоластика, в частности учение Фомы Аквианта (1225–1274) о благодати как методологическое обоснование соотношения энтузиастской веры и организационной иерархии христианской Церкви¹⁰.

Периоды распространения энтузиастских движений соответствуют трансформациям религиозной организации, которая не всегда укладывается в формат «объективно-исторических причин». Эти движения суть проявления внутренней жизни Церкви во внешне социальном плане, их содержание и реакции церковных властей и характеристик религиозной организации (иерархии, отношения причта с приходом) на них составляют полноту Церковного Предания.

¹ Учение Фомы Аквината основывалось на возведении веры в форму проявления мудрости, которая в его иерархии, заимствованной у Аристотеля, занимала главенствующее место над опытом, искусством и знанием.

² Монтан — бывший языческий жрец, родом из Малой Азии, обратившийся в христианство около 156 г., но впоследствии исключённый из христианской общины. Ересь монтанизма была осуждена на Первом Вселенском Соборе в Нике в 325 г., где была названа как катафригйская ересь.

³ Адольф Юлихер. Религия Иисуса и начала христианства до Никейского Собора // Раннее христианство: В 2 т. М., 2001. Т. 1. С. 285.

⁴ Августин. О благодати и свободном произволении // Гусейнов А. А., Иррилиц Г. Краткая история этики. М.: Мысль, 1987. С. 532–557.

⁵ Ради исторической справедливости следует отметить, что сам Пелагий отличался миролюбием и для выяснения противоречий сам ездил к Августину, епископу Гипонскому. Явление пелагианства связано с деятельностью его современника и ревностного последователя Целестия.

⁶ Впрочем, помимо казни главы общины Сильвана (бывшего Константином, но взявшего себе это имя в подражание последователю и ученику апостола), успеха эта экспедиция не имела, поскольку возглавлявший её Симеон, очарованный благообразием жизни павликан, позднее сам возглавил её, взяв себе имя спутника и ученика апостола Павла Тита (*Бартисян Р. М.* Источники для изучения истории павликианского движения. Ереван, 1961).

⁷ Св. Ириней Лионский. Творения (Сер. «Библиотека отцов и учителей Церкви»). II. М.: Благовест, 1996.

⁸ О Духе Святом // Творения иже во святых отца нашего Василия Великаго, Архиепископа Кесарии Каппадокийския. М., 1891. Ч. 3. С. 189–293.

⁹ Христианство: Энциклопедический словарь: В 3 т. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1995.

¹⁰ Фома Аквинский был канонизирован менее чем через полвека после кончины — в 1323 г.